

К истории «Посожского конфликта». Поездка стольника Ф.А. Головина к украинскому гетману Ивану Самойловичу в 1685 г.

DOI 10.31168/91674-483-5.37

Так называемый Посожский конфликт был связан с претензиями запорожских гетманов на владение территориями в междуречье рек Сож и Днепр, уходя своими истоками в начало 1670-х гг. и даже ранее, во времена Богдана Хмельницкого. Несмотря на его внешне пограничный и локальный характер, в 1680-е гг. его обострение оказало серьезное влияние не только на русско-польские межгосударственные отношения, но и на сложный комплекс взаимосвязей между царской властью и находившейся в тесной зависимости по отношению к ней Малой Россией (Гетманской Украиной, Гетманщиной). О претензиях предшественников на спорные земли гетман Украины Иван Самойлович вспомнил в 1683 г., накануне Андрусовской комиссии, которая предполагала заключение антитурецкого союза и постоянного мира между Россией и Речью Посполитой взамен продлевавшегося с 1667 г. перемирия, по которому за Россией осталась Левобережная Украина с Киевом, за Речью Посполитой — Правобережная. Гетманские требования были включены в наказ русскому посольству Я.Н. Одоевского, направлявшемуся в Андрусово, однако какого-то решения по ним (как и по другим вопросам) принято не было из-за разрыва переговоров.

В ставке украинского гетмана — Батурине — резонно полагали, что в ближайшие несколько лет русско-польский мир и союз скорее всего будет заключен. «Вечный» мир между давними противниками был, очевидно, невыгоден казацкой старшине, поскольку надолго бы закрепил разделение исконных территорий украинского казачества на Правое и Левобережье Днепра между двумя государствами. В этих условиях понятным было стремление украинской верхушки не допустить окончательного русско-польского примирения на существующих территориальных

условиях, направив внешнеполитическую активность Москвы на путь нового витка экспансии против Речи Посполитой с целью присоединения хотя бы части земель Правобережья Днестра. Задача эта была сложной, поскольку одновременно Самойловичу необходимо было сохранить приятные и доверительные отношения с русским правительством, с которым и Левобережная Украина, и лично гетман были связаны прочными узами самого разного характера. В связи с этим Самойлович действовал весьма осторожно. Какая-то часть спорных земель в Речицком повете Великого княжества Литовского была захвачена его казаками уже в начале 1683 г., до начала Андрусовской комиссии. А вскоре после нее, летом — в начале осени 1684 г., было «заехано» уже полностью все Засожье. При этом в Москве гетман предоставлял дело как восстановление давней справедливости, обещал предоставить «подлинные свидетельства» принадлежности Посожья Войску Запорожскому со времен Б. Хмельницкого, одновременно выражая готовность очистить спорные земли, если появится соответствующее царское распоряжение.

Между тем в Польше отказывались воспринимать захват так называемых Посожских сел как локальный пограничный конфликт, видя в нем новую угрозу эскалации отношений с Россией в условиях, когда Речь Посполитая была связана войной с Османской империей и Крымским ханством. Приезжавшие в Москву польские представители требовали немедленного возврата земель, а шляхта на варшавском сейме 1685 г. всю трубила о новом московском нашествии. Русское правительство оказалось в сложной ситуации. С одной стороны, оно не готово было резко одергивать Самойловича за его самовольные действия, с другой — вынуждено было прикрывать их перед польско-литовской стороной формулировками о локальном пограничном споре, который может быть разрешен на съезде пограничных судей. Договор о таком съезде был заключен в июле 1685 г. с прибывшим в Москву польским посланником Яном Зембоцким.

В преддверии этого съезда, а также нового раунда переговоров о мире и союзе с Речью Посполитой в Москве решили направить к гетману очередного посланца. Ранее к Самойловичу ездили опытные политики и дипломаты — Е.И. Украинцев и Л.Р. Неплюев, однако повлиять на позицию гетмана они не смогли. Теперь Василий Голицын, фаворит царевны Софьи и фактический глава правительства, решил выслать в Батурин ближнего стольника Федора Алексеевича Головина (1650–1706), будущего крупного сподвижника Петра Великого, адмирала, канцлера и руководителя посольских дел. Несмотря на то, что основные события Посожского конфликта в целом в историографии выяснены¹, материалы

¹ Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 гг. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 204–212 и след. Общие обстоятельства Посожского конфликта описаны на основе данного исследования.

этой миссии ранее практически не вводились в научный оборот². Между тем они могут добавить ряд любопытных штрихов в дальнейшее изучение как Посожского конфликта, так и взаимоотношений Батурина и Москвы в эпоху гетмана Самойловича в целом.

Указ о поездке Ф.А. Головина состоялся 18 августа 1685 г., через четыре дня после выезда Я. Зембоцкого из Москвы³. Для ближнего стольника, которому уже перевалило за тридцать, это, видимо, было первое серьезное правительственное поручение. До этого он никак не проявил себя, состоял на службе при отце, боярине А.П. Головине, при котором находился, в частности, на воеводстве в Астрахани⁴. Началу его дипломатической карьеры способствовал не кто иной, как всемогущий В.В. Голицын, которому Головин был родственником по матери. В своей грамотке к Самойловичу с пожеланием здоровья и благополучия Голицын специально отмечал, что посылает ее «через столника ближнева Федора Алексеевича Головина, а моего древнаго по матке сротсва»⁵.

Переговоры с Самойловичем должны были иметь «тайный» характер, без участия посторонних. Стольник должен был проинформировать гетмана, что цари вняли его очередному челобитью не отдавать посожских сел по настоянию прибывшего в Москву Зембоцкого. Самойловичу сообщалось о достигнутых договоренностях касательно съезда межевых судей и предписывалось выслать на границу своих людей от двух до пяти человек «с подлинными на Посожские села доводами и свидетелствы» в сопровождении старожилов. При этом украинские делегаты должны были передать письменные документы, удостоверявшие правоту гетмана, русским судьям, в присутствии которых следовало допросить и старожилов. Гетмана также предупреждали, чтобы его представители «в съезжий шатер к литовским судьям не ходили, чтоб от того с ними какой ссоры не учинилось».

² Исключением является описание приема Ф.А. Головина гетманом, сделанное мною ранее. См.: *Кочегаров К.А.* Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681–1687 гг. М., 2012. С. 117–118.

³ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. Кн. 221. Л. 361, 402.

⁴ *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII в. М., 1946. С. 222.

⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 221. Л. 428–428об. Биограф русского канцлера, В. Мамышев, отмечал наличие родственной связи между В.В. Голицыным и Ф.А. Головиным, но полагал, что близость последнего к Петру I сделала его «ненавистным для... крамольного временщика», который, желая отдалить родственника от двора, отправил его послом в далекий Китай. См.: *Мамышев В.* Генерал-фельдмаршал и генерал-адмирал Федор Алексеевич Головин // *Он же.* Жизнеописания русских военных деятелей. СПб., 1886. Т. 1. Вып. 2. С. 6.

Самойловича уверяли, что если окажется, что те села до начала восстания Хмельницкого принадлежали к Стародубскому повету и Черниговскому воеводству, то царское правительство оставит их за собой. В противном же случае (что представлялось более вероятным) они должны были быть возвращены Речи Посполитой, и при этом обозначен «меж Стародубского и Черниговского полков з городами литовскими и с уездами прямой рубез по старине... чтоб впред с обеих сторон ни в чем спору и ссор не было». Ф.А. Головину следовало заявить, что цари велят уступить спорные территории по результатам справедливого «сыска», даже если он окажется не в пользу русско-украинской стороны, потому что предыдущие русские монархи — Алексей Михайлович и Федор Алексеевич — утвердили перемирие с Польшей присягой. В качестве дополнительного аргумента Головин вез список с грамоты императора Леопольда I царям Ивану и Петру, в которой тот выражал поддержку Речи Посполитой в Посожском конфликте. Гетман должен был «уразуметь», что в случае его дальнейшей эскалации у поляков появится авторитетный союзник. Головин, таким образом, должен был донести до Самойловича, что спорные села необходимо уступить «по самой правде», иначе перемирие между Россией и Польшей будет разорвано. При этом, чтобы подсластить пилюлю, гетмана одновременно следовало убеждать, что Киев Речи Посполитой «никогда» возвращен не будет, а «их великих государей, их царского величества оборона от нево, гетмана, и от всего малороссийского народу никогда отъемлема не будет»⁶.

20 августа в сопровождении подьячего Никифора Венюкова Головин покинул Москву⁷. Царское правительство заранее предупредило гетмана о целях его визита через севского окольного Л.Р. Неплюева. В ответном письме ему гетман заверял, что в конце концов примет любое решение царей по поводу спорных земель, вновь говорил о стратегическом значении Засожья, предлагая поверстать тамошних жителей в стрельцы или казаки, создав из них специальное формирование численностью в 1 тыс. человек для охраны «Посожского порубежья», подчеркивая, что они о том «нас зело просят»⁸.

27 августа Головин и Венюков прибыли в Батурын. У города их встретил сотник Еремей Андреев, сообщивший, что гетмана в городе нет, «поехал в поле тому уж три дни от Батурина верст сорок», а когда вернется, неизвестно. При этом Андреев заверил царских представителей, что о скором приезде Головина Самойловичу

⁶ Наказ Ф.А. Головину. 18 августа 1685 г. — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 221. Л. 402–419. См. также царскую грамоту гетману от 18 августа 1685 г. (там же. Л. 423–424).

⁷ Там же. Л. 426, 525.

⁸ И. Самойлович — Л.Р. Неплюеву // Там же. Л. 523об.–524об.

известно. Действительно, тот вернулся в свою ставку на следующий день утром, заявив приехавшему к нему Венюкову, что скоро придет к ним с официальным объявлением о приеме генерального есаула И.С. Мазепу. Мазепа явился на квартире дипломатов в тот же день, по обычаю от имени гетмана спросил их «о здоровье», сообщив, что принять их он сможет только завтра, «а сего де числа быть ему некогда для того, что гетман будет у всенощного».

На следующий день Венюков и Головин в сопровождении Мазепы торжественно проследовали в гетманской карете на двор Самойловича. При встрече присутствовали генеральный судья Самойло Вуяхевич «да с коша бывшей атаман Трофим Волошанин». Царскую грамоту, привезенную Головиным, зачитывал руководитель гетманской канцелярии В.Л. Кочубей. В ходе приема гетман Самойлович публично заявил о принадлежности Посожя к Черниговскому и Стародубскому полкам, напомнил о гонениях на православие в Речи Посполитой и якобы имевшие место многочисленные нарушения польским королем Яном III договоренностей с Россией, а затем позвал Головина в церковь «для слушания о государском здравии молебного пения и литургии». В храме Самойлович «стал на своим месте, а столнику велел стать подле себя с правые руки», что подчеркивало почет, оказанный московскому гостю. После службы состоялся обед с участием старшины, а также бывших в тот момент в Батурине низовых казаков во главе с Волошениным. Традиционно первый тост под залп из сорока пушек был за великих государей. Второй кубок Самойлович поднял за царевну Софью, говоря, что «он уверен от посланных своих и слышит от многих о дивном за Божию помощь управителстве дел так великих государств благородной государыни царевны... Софьи Алексеевны, зело удивлялся ее государскому превысокому разуму, что о так перевеликие государства российского царствия от многообразных настоящих нынешняго века дел преславно сапасаает». Раздался новый залп из сорока орудий. В конце, «как со стола собрали», Самойлович пил за здоровье всех бояр и окольных, за казацкую старшину и все Войско Запорожское под выстрелы из 35 пушек. На этом официальный прием закончился. 30 августа к Головину и Венюкову вновь приехал Мазепа с известием, что официальные переговоры «о делах» переносятся, поскольку сын гетмана Яков «зело болен»⁹.

Они состоялись на следующий день, 31 августа. Помимо гетмана и московского гостя, на встрече присутствовал только В.Л. Кочубей. Выслушав аргументы русского правительства, изложенные в наказе Головину, Самойлович интерпретировал их как намерение вернуть Польше спорные территории («воля де великих государей, что изволили Посожские села уступить в сторону королевского величества»).

⁹ Там же. Л. 525–533об.

Однако это отнюдь не означало его готовность немедленно капитулировать перед царскими требованиями. Он по-прежнему настаивал, что эти земли — давние владения казацких полков и их возвращение вызовет недовольство «малороссийского народу». Гетман вспоминал статью о Киеве из Андрусовского договора 1667 г., согласно которой город должен был быть возвращен полякам через два года, но сделано это не было. Так и теперь, полагал Самойлович, следует «за многие неправды» польского короля удержать Засожье. Более того, если бы, по его словам, «их монаршеская была воля хотя малые рати за Сож послати, то б многие благочестивые под их царского величества самодержавную руку без убытку казны и людей пришли, чего они сами желают». Недавние заявления Зембоцкого, что произведенный захват означает разрыв Андрусовского перемирия, Самойлович считал блефом, учитывая, что польско-литовский сейм ни за что не согласится на новую войну с Россией, боясь спровоцировать ее на превращение локального конфликта в полномасштабные боевые действия.

Достаточно сдержанно оценил гетман и заступничество императора Леопольда I. Он предлагал в грамоте «цесарю» изложить свою версию «заезда» Посожья и полагал, что Вена не сможет оказать серьезной вооруженной поддержки Речи Посполитой за дальним расстоянием. Даже если австрийцы и вышлют небольшой отряд, рассуждал Самойлович, еще неизвестно, доберется ли он до литовской границы.

В беседе с гетманом Головин проявил осведомленность касательно русско-польских отношений и содержания заключенных с Речью Посполитой договоров. Он заявил, что вопрос о Киеве был закрыт московским договором 1678 г., «а что б ныне великим государям их царскому величеству с королевским величеством не додержа мирных договоров всчать войну и рати свои послать за Сож и... учинити того не годитца». Учитывая, что перемирие официально продлено и закреплено царской присягой, подобные вопросы можно ставить лишь по его истечении. Значение же польского союза с Австрией не стоит преуменьшать, в случае начала открытого конфликта они помогут если не людьми, то деньгами. Посожские села, таким образом, следует вернуть на будущем пограничном съезде, резюмировал Головин.

Самойлович, видимо понимая, что спорить бесполезно, стал просить, чтобы русское правительство в обмен на отказ от Посожья потребовало хотя бы возвращения имений киевских монастырей на Правобережной Украине, переданных два года назад польскими властями в управление львовскому епископу Иосифу Шумлянскому. Гетман вновь оседлал беспроигрышную в нагнетании русско-польской напряженности тему гонений на православных в Речи Посполитой. Он ссылаясь на обращения к нему православных священников Гомеля, которых силой принуждают к унии, предлагая поднять этот вопрос на ближайших русско-польских переговорах. Самойловичу было и

известно о том, что в ходе прошедшего в Варшаве сейма вопрос о направлении в Москву польско-литовского посольства для переговоров о мире и союзе решен положительно, причем якобы то, чего у дипломатов Речи Посполитой «на Москве просить будут, то уступать им позволили» в обмен на вступление России в войну с турками и крымскими татарами. Гетман, ссылаясь на письмо к нему православного шляхтича, пропойского старосты Василия Красинского, горячо убеждал Головина, что «они де поляки о преступлении клятв для размирения римского костела разрешение себе от папы имеют и николи того в грех не ставят, хотя и присягать станут, но им верить нечему, всегда они усмотря себе время мир разрывают». В качестве конкретного примера он привел факты о якобы недавнем послании Яна III Собеского турецкому султану с предложением сепаратного мира и направлении послов к крымскому хану с той же целью.

Выслушав пространную гетманскую речь, Головин предпочел завершить обсуждение главной проблемы, заметив только, что Самойлович непременно будет проинформирован о всех дальнейших контактах России с польско-литовской стороной. Гетман же напоследок предложил русскому правительству отправить послом в Османскую империю, к султану «для ведомостей каким поведением хочет кончитца у него с цесарем римским и с королем польским война». Он выражал уверенность, что Австрия и Польша хотят мира с турками «за недостатком войск своих». В целом Самойлович проявил широкую осведомленность о текущем состоянии русско-турецких отношений, считая возможным предъявить османам ряд претензий касательно набега азовских татар на царские «украинные городы». Зондирование турецких настроений ради поддержания мира со Стамбулом было бы вполне уместным, поскольку пограничные конфликты с османами провоцировала и российская сторона — в Батурине было известно, что «ныне донские казаки вышли на море».

Под конец встречи появился Мазепа, вручивший Самойловичу письмо киевского полковника с известием о прибытии в пограничный Остер посланца от польского коронного гетмана С. Яблоновского. Головин, прощаясь, попросил сообщить о содержании письма в Москву. Самойлович обещал предоставить самую полную информацию и о послании Яблоновского, и о своей недавней грамоте к крымскому хану. По основной же проблеме переговоров — судьбе Посожья — он обещал подать на царское имя специальные статьи¹⁰. На этом содержание переговоров, изложенных в статейном списке Головина, заканчивается, хотя выехал он в обратный путь только 8 сентября, ожидая, по-видимому, подготовки гетманских статей. В столицу стольник возвратился 14 сентября. В тот же день результаты

¹⁰ Там же. Л. 534–542об.

миссии были доложены правительству¹¹. Для Ф.А. Головина поездка к гетману стала прелюдией к его первой по-настоящему крупной дипломатической миссии в Китай¹², которая несомненно определила его дальнейшую карьеру в высших правительственных сферах.

В присланном с Головиным ответном письме Голицыну гетман расточал комплименты московскому гостю, который «благоразумен есть, достоин высокого почтения». Здесь же Самойлович доверительно сообщал, что готов вернуть посожские села, и просил «о наставлении, есть ли уже по указу их монаршескому оные села в полскую сторону отданы будут, возможно ли... велеть с них что ни есть сеголетних взяти доходов, хотя воздаяние оных трудов войсковых людей, которые чрез разное время целости людей в тех селах обретающихся, остерегали». Пока же гетман, по его уверению, «с тех сел и на одну денгу приходу не взял»¹³.

Официальная гетманская грамота на имя царей была посвящена даже не столько проблеме посожских сел, сколько будущему польскому посольству, которое, как видно, беспокоило Самойловича особенно. Он сообщал, что ему дал знать «с посожского рубежа подлинный человек» (В. Красинский?), а позднее подтвердили и «иные православные веры ревнители из Воляни», о направлении в Москву послов Речи Посполитой, которые высланы «по совету так папы римского, как и цесаря немецкого», при этом «в тайной раде постановлено, чтоб послы имели полную мочь во всяких делех», а именно «чинити договоры и становити покой вечный» на условиях уступки России «на вечно» Киева, Левобережной Украины и Смоленска взамен на союз против Османской империи. Самойлович убеждал московское правительство, что союз этот необходим, чтобы склонить османов к мирным переговорам. «И с тех мер их бусурман таким своим с вашим царским пресветлым величеством перемирьем и в союз призыванием от себе на ваше великих государей царствие отвратити хотят», — предостерегал украинский гетман. При этом жертвовала Речь Посполитая, по его мнению, немногим: «а не трудно им Киев и Смоленск с их землями отдавати, что обоих тех в руках своих не имеют, для того и давно они ради союзу отрещися того мыслили». Общий тон гетманского письма несомненно стремился посеять в Москве глубокое недоверие к будущим союзникам¹⁴. Эта важная

¹¹ Там же. Л. 542об.–543об.

¹² См. об этом подробнее: *Яковлева П.Т.* Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958.

¹³ И. Самойлович — В.В. Голицыну. 6 сентября 1685 г. Батулин // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 221. Л. 544–545об.

¹⁴ Грамота И. Самойловича на царское имя. 6 сентября 1685 г. Батулин // Там же. Л. 547–549. Подана в приказ Головиным 15 сентября.

задача, впрочем, не заслоняла и проблему посожских сел, которой была посвящена значительная часть привезенных Ф.А. Головиным в русскую столицу гетманских статей.

Основное их содержание предваряло характерное замечание Ивана Самойловича: «не себе какова я пожитку ишу, но желая их царского пресветлого величества преславной державе расширения, те села посожские приказал заехать». Статьи эти, ранее не исследовавшиеся и не публиковавшиеся, представляют собой один из наиболее замечательных памятников политической мысли Гетманщины. Условно этот обширный текст можно разделить на несколько частей.

В первой части гетман приводил доводы, оправдывавшие захват спорных земель. Главным из них был факт прочных политических связей Гетманщины и Засожья еще со времен Б. Хмельницкого: «Хмельницкого войною [села] привлечены были в войсковую область, в которой ныне обретаются люди, которые казацкую службу служили». Претензии на Засожье, отмечал он, поддерживали и последующие гетманы, в частности Демьян Многогрешный, «заехавший» их и удерживавший три года. «Для того и я, гетман, именем всего Войска Запорожского и всего народа малороссийского того домогался», — оправдывался Самойлович. Среди других оправданий присутствовали ссылки на захват Иосифом Шумлянским «маетностей» киевских монастырей на Правобережной Украине; постоянные пограничные споры между жителями Черниговского и Стародубского полков, с одной стороны и обитателями Засожья, с другой, которые «заезд» естественным образом должен был прекратить; склонность местных жителей, которые «желателно того хотели»; отсутствие делимитации границы в соответствии с Андрусовским договором 1667 г. и др.

Обосновав таким образом право Войска Запорожского на владение Засожьем, Самойлович далее пространно представлял, почему захваченное нельзя возвращать, несмотря на то — и теперь гетман это открыто признавал, — что до восстания Б. Хмельницкого спорные земли были частью литовских поветов Речи Посполитой. Он говорил о стратегическом положении Засожья, которое в случае войны может прикрыть территории Черниговского и Стародубского полков, рассуждал о том, что жителей Засожья, которые якобы добровольно отдались «под высокодержавную руку великих государей», не только не следует отпускать «из богохранимой державы», но и «иных, которые желателно приклоняются и о принятии, и о заступлении просят, приняти б было безгрешно, понеже монаршеская то честь есть прибегающих к себе не отдаляти». Здесь Самойлович припоминал о польских интригах 1682 г., когда политические круги Речи Посполитой во главе с королем вынашивали планы отторжения Левобережной Украины и Смоленщины, пользуясь разразившимся на Москве стрелецким бунтом. Обличение «польской интриги» вообще занимало в статьях весьма

обширное место, будучи опосредованно призвано торпедировать любые попытки сближения между Москвой и Варшавой. Здесь в ход шли аргументы двух типов — исторического и религиозного.

В первом случае Самойлович обращался к образу «извечной вражды» между Россией и Польшей, уходящей своими корнями еще во времена Древней Руси: «прежде бывшие короли полские всегда на изнищание и понижение российского старовечного славного обладания клонили, через что много российских стран лукавыми промыслы в хищение отторгнули и вовеки себе российский народ врагом написали, о которой их злобе все летописцы довольно свидетелствуют». В свое время царь Алексей Михайлович отказался возвращать Польше Киев, подчеркивал Самойлович, в силу осознания монархом того, что «то есть скипетров российского преславного царствия истинная отчина».

Религиозные доводы гетмана были более обширными, содержали в себе как конкретные примеры о гонениях на православие и намерении польских властей «соединяти церковь везде с костелы», так и более общие констатации о необходимости России поддерживать православие в Речи Посполитой. В последнем случае Самойлович напоминал, что царь Алексей Михайлович двинул на Польшу свои войска именно после отказа последней прекратить преследования единоверцев. «Возможно б за то им, великим государям, — развивал мысль гетман, — щасливо нами ныне обладающими, оным в гонении сущим православным... сотворити заступление. Не глаголю того, чтоб тотчас за военный взятися промысл, но желаю по их великих государей милости и по договорным статьям обрести им вспоможение». Самойлович считал это тем более важным, что «православные греко-русской веры исповедници усердно желают по Днепр или по Березину границу захвати».

Приводил Самойлович и доводы личного характера, сетуя, что в случае возвращения Засожья «уростет мне стыд, какова еще от юности моей не терпел есмь».

Третья часть статей содержала предложения гетмана касательно проведения пограничного съезда для «розыска» истинной принадлежности Засожья. Ужесточая свою позицию по сравнению с тем, что высказывалось в послании В.В. Голицыну от 6 сентября, Самойлович заявлял, что возвращение Засожья создаст опасный прецедент, сподвигнув польско-литовскую сторону выдвинуть претензии на Чернигов и Стародуб, а там и на всю Малую Россию, которая уже ранее «под полским их игом обреталася по Путивль».

Гетман протестовал против царского решения выслать на пограничный съезд от трех до пяти украинских представителей: «в такой малой дружине ныне опасно нашим высланным договариватись». Он рассчитывал отправить на встречу «кого знатного и разумного ис полковников, придав несколько человек знатных людей войсковых и несколькодесят ратных, чтоб умели в том деле поступить». Недоволен

был Самойлович и тем, что украинским «переговорщикам» было предписано не ходить в переговорный шатер, то есть не иметь прямых контактов с польско-литовской стороной. Он видел в этом польское «лукавство», когда «ляхи» устами Зембоцкого украинских казаков в Москве «омерзали, понижали и всякой чести чинили недостойными», добившись указанного запрета.

С практической точки зрения Самойлович пробовал предложить и компромиссный вариант раздела спорных земель, по которому за Россией и Войском Запорожским оставались те земли, которые «против Гомля, Пропойска и Кричева имеют свои поселения», а возвращены бы были участки, «что Мстиславскому воеводству смежны». В крайнем случае гетман просил оставить юридическую лазейку, которая позволяла бы претендовать на Засожье в будущем («чтоб оставлено нам приступ, чтоб могли иметь надежду, что на будущей комиссии нам возвращены будут»). В одном из последних абзацев Самойлович, впрочем, обиженно заявлял, что если в Москве решили уступить Засожье окончательно и бесповоротно, то и украинским представителям на межевой съезд ехать незачем¹⁵.

16 сентября 1685 г. гетманские статьи были заслушаны правительством при участии царей, царевны Софьи и ближних («комнатных») бояр. По их результатам было решено послать гетману грамоту «с милостивым словом». Согласно принятым решениям, Самойловича следовало уверить, что Засожье не будет возвращено Польше без «подлинного розыску и свидетелства». Гетману позволялось выслать для участия в переговорах троих «знатных» представителей, которые должны были заседать в переговорном шатре наряду с остальными участниками¹⁶. Спустя два дня последовал указ межевым судьям, явно учитывавший позицию украинского гетмана. Им приказывалось начать межевание спорных земель со Смоленского уезда, а дойдя до Засожья, писать к великим государям «наскоро» и без особенного распоряжения посожских сел не межевать¹⁷. Все это явным образом было направлено на затяжку и даже срыв пограничного съезда¹⁸. А в грамоте гетману от 20 сентября с сообщением о принятых решениях и вовсе давалась надежда на возможное оставление за Россией

¹⁵ Статьи гетмана И. Самойловича. 6 сентября 1685 г. Батурин // Там же. Л. 549об.–569.

¹⁶ Там же. Л. 569об.–570.

¹⁷ Там же. Л. 583–583 об.

¹⁸ *Кочегаров К.А.* Литовский дипломат Иосиф Лядинский и его роль в русско-польских отношениях 1680-х — первой половины 1690-х годов // Средневековая личность в письменных и археологических источниках. Материалы международной научной конференции. Москва, 13–14 октября 2016 г. М., 2016. С. 113–115.

части спорных территорий. Во время межевания гетмана обещали уведомить отдельным указом, «чтоб ис тех сел некоторые места, лежащие против Гомля и Пропойска, для не отчаяния православные веры людей надежды были под твоим regimentом оставлены», когда межевщики приблизятся к означенным землям¹⁹.

Планировавшийся на конец года русско-польский межевой съезд для разрешения конфликта вокруг Засожья в итоге не состоялся, поскольку предлагавшиеся русской стороной конкретные шаги для разрешения ситуации оказались для Речи Посполитой неприемлемы. В Варшаве не собирались межевать всю русско-польскую границу на Смоленщине и Северщине, считая это косвенным признанием того, что территории к востоку от нее уступлены России навсегда²⁰. Однако возможная радость от этого в Батурине была преждевременной. В ходе последовавших весной 1686 г. русско-польских переговоров о союзе и вечном мире В.В. Голицын ловко разыграл «посожскую карту», когда взамен на возвращение Засожья польско-литовские дипломаты пошли на ряд других уступок²¹.

В отношениях Москвы и Батурина трения по поводу Засожья стали, по всей видимости, одним из наиболее острых моментов за всю историю гетманства Ивана Самойловича. Практически открытое неповиновение гетмана распоряжениям центральной власти, которая из-за его действий оказалась в сложной дипломатической ситуации по отношению к Речи Посполитой и ее союзникам по антитурецкой лиге, не могло не вызвать недовольства в русских правительственных кругах. Особенно щекотливым положение стало после визита в столицу Я. Зембоцкого, заключившего договор о проведении межевого съезда. В этих условиях Голицын доверил переговоры с гетманом Ф.А. Головину, однако его миссия имела двоякий результат. Заявляя в письме «посольских дел оберегателю» о готовности очистить Засожье, Самойлович одновременно прислал в Москву статьи, в которых вновь последовательно настаивал на его включении в состав России. Подобная позиция гетмана не могла остаться без последствий, о чем свидетельствуют неофициальные заявления царевны Софьи уже в ходе переговоров о вечном мире²². В итоге же конфликт вокруг Засожья стал одной из причин изменения отношения к Самойловичу со стороны русского правительства, которое в конечном итоге стоило ему гетманской булавы.

¹⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 221. Л. 583об.–586об.

²⁰ *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая... С. 213.

²¹ Там же. С. 319 и сл.

²² Там же. С. 359.